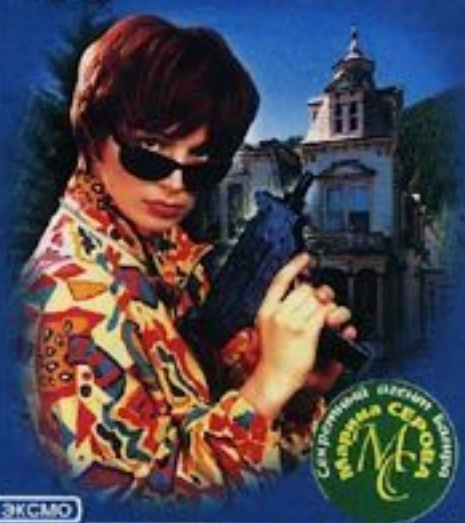

НОВАЯ ЯРКАЯ ЗВЕЗДА ДЕТЕКТИВА

Марина
СЕРОВА

Крутая мисс

ЭКМО

Секретный агент Багира

Марина Серова

Профессиональная интуиция

«Научная книга»

Серова М. С.

Профессиональная интуиция / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Секретный агент Багира)

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Марина Серова

Профессиональная интуиция

Глава 1

Я подошла к широкому, с давно не мытыми стеклами окну и с тоской посмотрела на серое, низко нависшее над городом небо. На улице моросил мелкий противный дождь, больше похожий на туман.

Безрадостная картина. Но я упорно продолжала пялиться на голые ветви деревьев, тучи, затянувшие небо сплошной пеленой, капли воды на оконном стекле. Поворачиваться не хотелось: двухместный гостиничный номер за спиной производил впечатление еще более тягостное, чем занудливый дождь, нахально морозящий в самый разгар зимы. Впрочем, как мне поведал словоохотливый таксист, дождь в Волгограде шел с завидной периодичностью вот уже, почитай, второй месяц, если не больше. Не знаю, я в город приехала только вчера поздно вечером.

Какого черта меня занесло в Волгоград? Сидела бы сейчас в своем маленьком уютном домике на окраине Тарасова, наслаждалась покоем, может быть, смотрела бы видик и пила чай с вареньем, с малиновым. Или с клубничным.

Но какой смысл мечтать о несбыточном? При всем желании я сейчас не могла бы сменить этот двухместный номер с убогой мебелью, состоящей из двух продавленных кроватей, двух же зеленых тумбочек, вызывавших упорную ассоциацию с солдатской казармой, неуклюжего стола с обшарпанной полировкой и стула, почему-то одного-единственного. Ткань, покрывавшая его сиденье, давно и основательно засалилась, а местами истерлась до дыр, кое-где из прорех неряшливо торчали куски серо-коричневой ваты.

Если бы поменять работу, тогда уже ничто не заставило бы меня сидеть в этой дыре. Проблема заключалась в том, что оставлять любимую работу мне как раз не хотелось. Просто дождь достал. Я отнюдь не являюсь любительницей «настоящей русской зимы» с трескучими морозами, сугробами по пояс и пронизывающими ветрами, но дождь в середине января – это уже слишком.

Протяжно и шумно вздохнув, я собралась с духом, отвернулась от окна. Взгляд тотчас наткнулся на таракана, лениво вышагивающего по столу. Мысли мгновенно вернулись в прежнее русло.

Дом... Моя милая маленькая уютная берлога. Нет, Впрочем, «маленький» к моему дому не подходит, один бассейн чего стоит, но комфорта и уюта в нем в самом деле предостаточно. Только он в Тарасове, а я... вот тут.

«Клоповник» – этим емким словом охарактеризовала гостиницу моя соседка по номеру. Сейчас ее здесь не было. Полчаса назад, наскоро умывшись в единственном на весь этаж туалете, одновременно являвшемся «умывальной комнатой», так и не дождавшись своей очереди в душ, она в два захода проглотила подсохший, сделанный еще дома бутерброд с ломтем вареной колбасы и умчалась по своим командировочным делам. Вчера вечером этот же самый бутерброд был любезно предложен мне. Но я, с сомнением глянув на загнувшиеся кверху колбасные краешки, категорически отказалась, несмотря на то что в желудке было неприятно пусто. К утру хлеб и колбаска подвялились еще больше и громко скрипели и хрустели, когда соседка сосредоточенно перемалывала их крепкими зубами.

Я неприязненно покосилась на крошки на столе. «Клоповник» – коротко и ясно. Правда, клопов я, к счастью, не заметила, но тараканов здесь явно привечали и разводили в огромном количестве.

В эту гостиницу меня доставил вчерашний словоохотливый таксист после того, как я обратилась к нему с просьбой посоветовать что-нибудь недорогое, но приличное. Может быть, ему никогда не приходилось бывать внутри? Снаружи гостиница, надо признать, и вправду выглядела довольно симпатично. Когда же я обнаружила, что она представляет из себя внутри, тащиться куда-то еще на ночь глядя уже не хотелось. Тем более что таксист уже укатил, а улица, на которой располагалась гостиница, оживленным движением в этот час не отличалась.

Вообще-то, если уж быть честной до конца, дело было не в дожде, не в гостинице, тем более не в «маленьком домике» на окраине Тарасова. Обитать мне нередко приходилось в местечках и похуже этого. Что касается дождя, так он бывает среди зимы не только в Волгограде. В Тарасове тоже. Да и варенья у меня дома нет, ни клубничного, ни малинового. Просто до чертиков не хотелось снова натягивать на себя личину, избавиться от которой мне удалось лишь три дня назад.

Я вынула из сумочки документы, от которых уже начала отвыкать и в которых значилось мое теперешнее имя – Тимофеева Нина Сергеевна. Она (или все же будет правильнее сказать – я?) медицинская сестра, полгода назад уволилась из армии в звании прапорщика, не дождавшись истечения срока контракта. Сразу же после увольнения переехала в Новороссийск. А куда еще можно сбежать в самый разгар лета, после шести лет армейской службы, полтора последних года которой прошло под Читой, если не на море, под теплое южное солнце? Из Новороссийска Нина Сергеевна переехала в небольшой приморский городок, но и там прижиться не успела, так как вскоре влипла в историю. Из-за любви, конечно. Так думали немногочисленные свидетели истории, а Нина Сергеевна – я то есть – не стала их разубеждать из соображений конспирации.

Самое забавное заключалось в том, что история эта, из-за которой вышеупомянутая Нина Сергеевна, по мнению окружающих, и сбежала в Волгоград, произошла на самом деле. Даже легенду додумывать и перерабатывать не пришлось. При необходимости несколько не фиктивных, а самых что ни есть натуральных, незаинтересованных свидетелей с удовольствием подтвердят, что все произошло именно так, и никак не иначе. Единственное, что понадобилось добавить к уже существующей и прошедшей проверку на практике легенде, так это то, что двадцативосьмилетняя Нина Тимофеева когда-то в детстве уже бывала в Волгограде. Даже не только бывала, но и прожила в этом городе вместе с мамой целых полтора года. Но с тех пор утекло столько воды, что сейчас Нина почти ничего не помнила, кроме, разве что, памятника, известного по всей стране символа Волгограда, да парка, в котором она по воскресеньям гуляла с мамочкой. Папочка же Нины еще до рождения дочки укатил в неизвестном направлении.

Вообще-то преобразиться в Ниночку мне следовало еще вчера, причем еще до того, как моя нога коснулась волгоградской земли. Уж эта капризная и скандальная на людях, но на самом деле непритязательная во многих отношениях особа наверняка проглотила бы без звука некоторые, мягко выражаясь, неудобства, характерные для гостиницы. А если бы не проглотила, то оставаться здесь не стала бы, а устроила бы небольшой скандалчик, исключительно для компенсации нанесенного морального ущерба. После чего покинула бы это заведение триумфальной поступью победителя. Ну а если бы все же приняла решение остаться здесь на ночь, то от предложенного бутерброда с пикантно завернувшимися краешками Нинка бы точно не отказалась. Согрела бы с помощью старенького кипятильника воду в граненом гостиничном стакане, заварила крутой чаек, стрельнула у соседки три ложки (с горкой) сахара и умяла бы подвяленную колбаску за милую душу. В общем, пока что я не вошла еще полностью в принятую на себя роль.

Я бросила документы обратно в сумочку, посмотрела на часы: начало девятого. Однако пора собираться и мне. Собственно, я уже была готова. Оставалось только натянуть потертые джинсы, мягкий длинный свитер, легкую куртку и ботиночки. Вязаную шапочку, несмотря на все еще морозящий дождь, я решила пока не надевать – слишком для этого тепло, а бросила

ее в спортивную сумку. Туда же отправилась и дамская сумочка – едва ли в ближайшее время в ней могла возникнуть необходимость. Документы, деньги и прочую мелочевку я загодя рассовала по карманам.

Из номера вышла, даже не оглянувшись. Пока я собиралась оставить его за собой – мало ли как дело обернется, – но уже приняла решение сегодня же перебраться в место, более подходящее для проживания. Нина Тимофеева на сегодняшний день не настолько нуждалась в деньгах, чтобы оставаться в этой «недорогой, но приличной» – только снаружи! – гостинице.

Через три минуты я уже ехала в такси и слушала нескончаемую болтовню еще одного словоохотливого водителя. Против его трепа я, надо сказать, не возражала. Наоборот, слушала очень внимательно, не забывала поддакивать и вовремя задавать интересующие меня вопросы, как только чувствовала, что красноречие водителя готово вот-вот иссякнуть. Таксисты владеют огромным количеством информации, большую часть из которой, правда, можно смело отбросить из-за ее бестолковости. Но сплетни, гуляющие по городу, могут дать о нем и его жителях кое-какое представление. А жизнь волгоградцев интересовала меня сейчас чрезвычайно, поэтому водителя я слушала с искренним любопытством, тут же по ходу беседы сортировала выдаваемые им сведения, явные выдумки и таксистские басни отбрасывала, а остальное раскладывала «по полочкам» для дальнейшей обработки.

Более всего из городской жизни меня интересовали заведения спортивно-оздоровительного, тем более спортивно-прикладного характера. В первые годы армейской жизни, едва получив новенькие сержантские погоны, Нинка, тогда еще юная и трогательно-наивная выпускница медицинского училища, чтобы не свихнуться со скуки, всерьез увлеклась спортом и стрельбой из всех доступных видов оружия. Даже потом, кинувшись во все тяжкие и утратив сначала большую часть своей наивности, а затем и те жалкие крохи, что от нее еще оставались, Нинка старалась не терять полученных навыков и поддерживать свою физическую форму, для чего использовала любую возможность.

Все это был не более чем созданный мною же на основании легенды образ. Но обо всех этих и многих других фактах Нинкиной вымышленной биографии на Черноморском побережье я сообщала всем и каждому, поэтому той же версии была обязана придерживаться и впредь. Спортивные увлечения являлись едва ли не единственным светлым пятном как для «моей» Нинки, так и для меня самой. Благо здоровье позволяло проводить двух-трехчасовые тренировки даже после ночных бдений. Тяжеловато, конечно, приходилось, но я была только рада хотя бы таким образом на короткое время – как правило, на несколько часов – избавить организм от излишков некачественного алкоголя и прочих гадостей. Что касается репутации Нинки, ей спортивные увлечения не только не вредили, но, напротив, укрепляли авторитет «своего парня», хотя и «с прибабасами», а также, что немаловажно, позволяли при необходимости достаточно профессионально бить морды направо и налево, не вызывая при этом удивления.

В половине девятого, отпустив такси за квартал до интересующего меня дома, я неторопливо вышагивала по тротуару и, как и положено только что приехавшему в город человеку, с любопытством рассматривала лица людей, идущих навстречу, вчитывалась в названия улиц на табличках и глазела на витрины кафе и магазинов. Разглядывать особенно было нечего: люди как люди, магазины как магазины, а названия улиц за редким исключением в точности повторяли названия в сотнях других городов России. Интересовало меня на данный момент, в общем-то, только одно – подходящее место, где можно было бы перекусить, выпить чашечку кофе и при этом не спускать глаз с первого подъезда дома номер сто сорок два дробь двести тридцать восемь по улице Московской.

Желудок со вчерашнего вечера настоятельно требовал, чтобы в него положили хоть что-нибудь питательное и при этом желательно вкусное. К счастью, подходящее заведение нашлось довольно быстро. Небольшое кафе со стандартным и незапоминающимся названием находи-

лось на противоположной от нужного мне дома стороне улицы, напротив третьего его подъезда. Заняв свободный столик и расположившись таким образом, чтобы угол обзора получался максимальным, я сделала заказ и принялась набивать истстрадавшийся желудок вполне удобоваримой пищей.

Движение на Московской в этот час оказалось довольно напряженным, но пробок не было, машины пролетали быстро, держали дистанцию и в просветах между ними дверь, ведущую в подъезд, можно было видеть практически непрерывно. Вопрос о том, чтобы на таком расстоянии не обознаться и не пропустить нужного человека, остро не стоял – Игорь Викторович Горшенин отличался могучим телосложением, практически всегда ходил с тростью и заметно прихрамывал. К тому же, если именно сегодня господину Горшенину вдруг не вздумается нарушить обычный распорядок дня, времени до его появления было еще предостаточно. Поэтому я не торопилась, с аппетитом вкушала поданные мне яства и даже —гулять, так гулять! – рискнула заказать двойной десерт. Ведь при моей работе никогда не знаешь наверняка, через сколько часов или даже суток удастся нормально поесть.

Памятуя эту нехитрую истину и воспользовавшись подходящей возможностью, я несколько увлеклась, что осознала лишь после того, как полностью уничтожила обильный завтрак. Затем некоторое время я нерешительно присматривалась к второй порции десерта – большому куску свежееиспеченного бисквитного торта со смородиновой пропиткой. Он оказался действительно свежим и очень вкусным, но второй кусок в меня бы просто не уместился.

Нинка, с каждой минутой быстро набирающая во мне силенки, с невесть откуда взявшейся практичностью посоветовала прихватить пирог с собой – оплачено, так чего же оставлять. Кроме того, полезно иметь с собой что-нибудь съестное. Мне, что ли, тоже парочкой бутербродов запастись, как гостиничная соседка? Она три дня замечательно жила на них, из дома привезенных, и была этим очень довольна.

Поразмыслив, я сдалась. Бутербродами запастись не стала, но пирог попросила завернуть с собой, после чего заказала кофе, расплатилась и снова уставилась на дом на противоположной стороне улицы.

Приближалось «время Ч» – господин Горшенин мог появиться в любую минуту.

* * *

Мое очередное задание генерал Суров сформулировал коротко. Отправляйся, сказал, в Волгоград и подробно разузнай, что представляет собой некий официально зарегистрированный как региональная молодежная общественная организация центр военно-прикладной подготовки «Витязь», что на самом деле скрывается за этим названием и каковы истинные цели вышеозначенной организации.

Генерал Андрей Леонидович Суров – или Гром, как я привыкла его называть – мой дражайший начальник. Гром – это, выражаясь профессиональным языком, его рабочее имя. А мое рабочее имя – Багира. Так он ко мне обычно и обращается. И только иногда, расчувствовавшись или желая сказать что-нибудь «не для протокола», называет Юлей, как двадцать девять лет назад меня нарекли мамочка и папочка. А вообще-то мое имя полностью звучит так – Юлия Сергеевна Максимова.

Работаю я, как бы это поделикатнее сформулировать, шпиеном. Шутка. Гром иногда говорит, что я готова иронизировать над самыми серьезными вещами, но отмечает данное качество скорее как мое достоинство, нежели недостаток. Лично я безоговорочно считаю свой веселый нрав поистине подарком судьбы. Иногда в такие передраги попадаешь, такое видишь и слышишь, а порой и сама вынуждена делать, что только неиссякаемый оптимизм и помогает проглотить и переварить все это без каких-либо последствий для здоровья. В уныние я впадаю лишь изредка, как, например, сейчас. К счастью, длится подобное состояние от силы несколько

часов, в связи с чем вызывает не столько досаду, сколько чувство глубокого удовлетворения, потому что позволяет несколько по-новому взглянуть на мир и на себя. Вот так похандрю один день в году, а то и меньше, потом оглянусь вокруг и скажу – черт возьми, как все замечательно!

Здесь, вероятно, будет излишним сказать еще несколько слов о моей работе. Всего несколько, для общего представления, так как распространяться на эту тему я вообще-то не имею права.

Отдел, в котором я имею честь трудиться и начальником которого является Гром, настолько секретный, что вроде бы как и не существует вовсе. Во всяком случае, официально он нигде не фигурирует. Занимаемся мы... ох, да чем только не занимаемся, практически любым делом, представляющим **ОСОБЫЙ** интерес для родной страны в целом и для моего начальства в частности.

Несколько лет назад по воле случая – счастливого, если учитывать мой беспокойный характер, случая, ведь еще неизвестно, куда, сложись все по-другому, меня занесла бы нелегкая, – попала я в учебку Минобороны. С этого, собственно, и началась моя бурная карьера разведчика-нелегала. Официально я занимаю должность юрисконсульта губернатора города Тарасова. Статус члена губернаторской команды дает немало бонусов – начиная с вышеупомянутого коттеджа и заканчивая всеми и всяческими мелкими привилегиями, как-то: право пользоваться любыми средствами связи или парковаться там, где другим категорически запрещено. Но вернемся к нашим барашкам, как любят говорить французы.

Когда я проходила специальную подготовку, среди прочих дисциплин нам преподавали основы практической психологии. Из этого курса я почерпнула много чего интересного, занимательного и полезного, в том числе уяснила, что даже у самого ярко выраженного оптимиста есть в запасе чуть-чуть грустинки, которая периодически пробивается на поверхность в виде хандры. Если этого не происходит, значит, пора на прием к соответствующему доктору. Так что редкие и непродолжительные периоды хандры я воспринимаю совершенно спокойно, как показатель того, что личность моя находится в полной норме.

К тому же хандра – вот забавный парадокс! – обычно возникает очень кстати и в немалой степени способствует успешному выполнению очередного задания. Может, и в данном случае так случится? Поживем – увидим.

Да, так вот. Выслушав короткий инструктаж Грома, я поинтересовалась:

– Что именно необходимо выявить по «Витязю»?

– Все, что накопишь, – несколько неопределенно ответил Гром. – Поезжай, осмотришь, выяви связи. Действуй полностью на свое усмотрение.

Очень мило. Я сделала еще одну попытку.

– Зацепки, подозрения есть?

– Зацепка одна, – кивнул Гром, а я вся обратилась в слух и внимание. – Собственно организатор и учредитель центра «Витязь» – некий Игорь Викторович Горшенин. Ветеран чеченской войны, имеет Звезду Героя, две медали. Основное место работы на данный момент – спортивный комплекс «Богатырь», занимаемая должность – директор. Проживает в городе Волгограде на улице, если мне не изменяет память, Московской. Все остальное найдешь здесь, в том числе фотографии.

Гром подвинул ко мне ничем не примечательную картонную папку со стандартной надписью «Дело ь...», добавил:

– Горшенин на первоначальном этапе – основной объект оперативной разработки. Начни с него, а уж затем двигайся дальше. Вопросы есть?

– Сейчас будут, – пообещала я, развязывая потрепанные на концах тесемки.

Сверху лежал объемистый конверт с фотографиями. Я быстро просмотрела снимки: богатырского телосложения, но уже начинающий полнеть мужчина лет сорока с тростью в правой руке выходит из подъезда многоэтажного дома; он же, переложив трость в левую руку,

правой открывает дверцу «БМВ»; он же, также с тростью, но уже зажатой под мышкой, – у коммерческого ларька, в руках держит пластиковую бутылку с минералкой и внимательно слушает коротко стриженного крепыша, по виду спортсмена; он же – выходящий из дверей ангара (снимок, по всей видимости, сделан с большого расстояния).

Я ткнула пальцем в ангар:

– Что за объект?

– А это и есть Центр военно-прикладной подготовки, – усмехнувшись, пояснил Гром. – Точнее, одно из помещений на арендованной центром территории. Ранее принадлежала военным, теперь выкуплена крупной корпорацией.

– Не слабо, – качнула я головой. – А спорткомплекс «Богатырь»?

Гром кивнул:

– Их же. С корпорацией связан не напрямую, но считается фактически принадлежащим ей. Все легально.

– Ясно. Горшенин был ранен?

– Был. Даже дважды, – Гром снова усмехнулся. – Первое ранение получил в Чечне, в связи с чем после излечения и покинул армию. Покинул, заметь, добровольно. Ранение было довольно серьезное – задето легкое. Но службу, по заключению медиков, Горшенин мог продолжать беспрепятственно. А вот поди ж ты – предпочел уволиться, не дослужив до пенсии по выслуге лет совсем немного. Если ты о тросточке, так это последствия ранения в ногу. После увольнения из армии Горшенин немного поболтался по стране, вернулся в родной город, быстро восстановил старые связи и пристроился инструктором в тире. Через три месяца сынок одной городской шишки прострелил ему голень. Дело замаяли, но Горшенина уволили «по собственному желанию», предварительно, правда, щедро оплатив лечение. Спустя еще полгода Горшенин попал в «Богатырь».

– Любопытная биография, – пробормотала я.

– Ничего не напоминает? – полюбопытствовал Гром. – По-моему, прослеживается что-то общее с судьбой Нины Сергеевны Тимофеевой, ты не находишь?

В шкуре Нины Тимофеевой, отставного прапорщика Российской армии, я проходила без малого три недели и с облегчением избавилась от этой любвеобильной и взбалмошной особы лишь несколько дней назад. При одном упоминании об этой истеричке, смысл жизни которой заключался в получении сомнительных удовольствий, у меня начинало ломить затылок.

По легенде, медицинская сестра Тимофеева имела чудовищный характер, любила выпить и норовила затащить в постель любое существо, хотя бы отдаленно похожее на мужчину. Единственно, чего она терпеть не могла и чего никогда не позволяла, так это когда кто-то пытался ею откровенно воспользоваться. В любом смысле.

Из рядов Вооруженных сил медсестра была уволена после серьезного скандала. Интересы дела требовали, чтобы мое поведение полностью, в крайнем случае почти полностью, соответствовало характеру этой особы. Три недели я лавировала и изворачивалась как могла, потому что соответствовать полностью оказалась не в силах. Одной из ужасных сторон личности медсестры было ярко выраженное отсутствие интеллекта и ограниченный словарный запас. Весь спектр чувств и эмоций эта дама умудрялась выражать не очень понятным с точки зрения языкознания словом «е-мое», которое произносилось на все лады чаще, чем все остальные слова, вместе взятые.

При упоминании Тимофеевой я поежилась, настороженно поинтересовалась:

– На что это вы, собственно, намекаете?

– Я даже не намекаю, – вздохнул Гром, подозрительно морща нос. – А официально сообщая: легенда, под которой ты работала последний раз, как нельзя кстати подходит для Волгограда. Сработала ты чисто, из образа не вышла до последнего, Тимофеева осталась, без сомнения, вне подозрений. Так что принято исключительное решение использовать ту же легенду

еще раз. Твои похождения в последние несколько дней уже продуманы, придуманы и подкреплены фактами и свидетелями. Подробное описание найдешь здесь. – Он похлопал по папке.

Я вышла из оцепенения, с чувством сказала:

– Е-мое! – и всхлипнула.

Тут Гром наконец не выдержал, расхохотался, затем изобразил сочувствие и ободряюще хлопнул меня по спине:

– Ну что ты? Что ты? Так надо, Багира, что поделаешь.

– А обо мне вы подумали? – жалобно воззвала я к генеральскому сочувствию. – Как же я, а? Товарищ генерал!

– Подумал, – серьезно заговорил Гром, а я опять насторожилась, ожидая очередного, конечно же, неприятного, сюрприза. Но следующие слова генерала пролились живительным бальзамом на мою душу: – Нина Тимофеева такая, какая она есть, в любом случае может оказаться Горшенину не по нутру. Так что можешь немного остепениться. На сколько именно, посмотришь по обстоятельствам. Все мы, в конце концов, постепенно меняемся, особенно когда жизнь поворачивается к нам не лучшей своей стороной.

Я приободрилась.

– А поумнеть можно? Хотя бы чуть-чуть.

– Думаю, можно, – поразмыслив, согласился Гром. – Горшенин – лошадка темная, но впечатления идиота не производит. При разработке обязательно учти: Горшенин очень гордится тем, что вышел из семьи потомственных интеллигентов. Кстати, прежде чем попасть на военную службу, он закончил исторический факультет университета.

Значит, мне предстоит встреча с потомственным интеллигентом, посвятившим себя службе в армии и по воле обстоятельств попавшим в наше «мирное время» на войну. Любопытный, должно быть, он тип, этот Горшенин, боюсь, мне, будучи в Нинкином обличье, придется здорово попотеть, чтобы найти с ним общий язык.

Вообще-то на самом деле Нинка, хотя предки ее в отличие от горшенинских интеллигентностью и не блистали, была не такой уж тупой. Сумела же она в свое время с неплохими результатами, особенно по практическим дисциплинам, закончить медицинское училище. Скорее Нинка предпочитала казаться несколько глуповатой и изрядно грубоватой, чем была таковой в действительности. Когда сам человек прост, как валенок, многие вещи, которые другим могут показаться сложными и даже недоступными, для такого человека настолько же просты, как и он сам. Ведь в крайнем случае того, чего не понимаешь, можно просто не замечать...

Получив разрешение поумнеть, я окончательно воспряла духом и поинтересовалась, каков будет план внедрения.

– А никакого, – невозмутимо отозвался Гром. – Я же сказал: действуй полностью на свое усмотрение. В Волгоград тебя занесло – занесет то есть – попутным ветром, а дальше ориентируйся по обстоятельствам. Только очень советую: не лезь на рожон, как это было в Новороссийске. Твое счастье, что ткнула не глядя пальцем, да случайно в яблочко попала. Ни малейших оснований совершать подобные поступки у тебя не было. Если бы ошиблась, я бы с тебя три шкуры спустил. Это в лучшем случае. В худшем давно бы уже червей на кладбище кормила.

«Подобные поступки», как и вся работа на Черноморском побережье, – отдельная история. Действовала я тогда действительно во многом наугад, если не сказать, что и вовсе на авось, делая ставку на то, что человек, которого я разрабатывала, поступит в соответствии со сделанными прогнозами и никак не иначе.

И все же Гром был несправедлив в своих оценках. Я упрямо потупилась и возразила:

– Никуда я пальцем не тыкала. Были основания для подобных действий или нет, сейчас нет смысла говорить, но ведь в конечном-то итоге мой расчет оправдался. И лично я это слу-

чайностью не считаю, товарищ генерал. Скажем лучше так: сработала моя профессиональная интуиция.

– Какая, к черту, интуиция! – Генерал сурово нахмурился. – Запомни, никакого неоправданного риска быть не должно. Не в бирюльки играем. Кстати, Тимофеева ведь когда-то жила в Волгограде, я не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь. – Я опять приуныла. – Кажется, в детстве.

Тогда я и предположить не могла, что через считанные дни буду часто и с благодарностью вспоминать мудрое, хотя и несколько нарушающее инструкции решение Грома именно сейчас использовать Нинку Тимофееву, и никого другого.

– В детстве? – сладким голосом переспросил генерал. – Вот и славно. Прекрасное объяснение причин твоего приезда. Ты ведь решила измениться? Так чем не повод начать новую жизнь именно в этом городе? Только вот с «кажется» дополнительно поработай. Понимаю, что все подробности жизни Тимофеевой ты уже выбросила из головы и благополучно забыла. Так что первым делом повтори биографию еще раз. И сделай это самым тщательным образом! Возможны проверки. Даже покруче, чем в Новороссийске.

– Откуда такие выводы? Есть основания? – поинтересовалась я с некоторым сарказмом. Гром подвоха не заметил и задумчиво изрек:

– Понимаешь, какое дело, что-то мне подсказывает...

Он замолчал, а я тут же ядовито высказалась:

– Что-то подсказывает? Интересно, что бы это могло быть? Неужели интуиция?

Генерал сделал глубокий вдох, пряча улыбку, буркнул:

– Значит, так, Багира. Если других вопросов нет – свободна. Приступай к работе.

И я приступила.

Глава 2

Кофе я потягивала маленькими глоточками. Но не потому, что напиток был плох. Напротив, сварен он был отменно. Просто не хотелось сидеть за столиком без дела. Человек, который сидит в кафе и ничего не ест и не пьет, сразу же бросается в глаза. Подносить же ко рту чашку, в которой, кроме густого осадка, ничего не осталось, тоже не хотелось. Во-первых, полного натурализма не будет, как ни старайся. Во-вторых, к столику то и дело подходила официантка, совершенно очарованная моим мотовством и лелеющая надежду на его продолжение. Вероятно, в кафе не часто заглядывают посетители, которые на завтрак заказывают сразу пять блюд.

Вопросами официантка не донимала, над душой вроде бы тоже не стояла, но путь ее к другим, немногочисленным в этот час посетителям неизменно пролегал мимо моего столика. Каждый раз оказавшись поблизости, она чуть замедляла ход и вытягивала худую веснушчатую шею, стараясь заглянуть в мою чашку.

Ко второй порции кофе я пока была не готова, поэтому и цедила остывший, но не ставший от этого менее вкусным напиток. А заодно мысленно поторапливала Горшенина и кляла – тоже, конечно, в мыслях – назойливую веснушчатую официантку.

Попутно я решала еще одну важную задачу. Если Нинке Тимофеевой суждено измениться, то какой именно она должна стать? Окончательный ответ на этот вопрос я до сих пор не сформулировала.

То есть основные пункты были, конечно, уже рассмотрены и «утверждены» на единоличном совете: отныне никаких обычных ранее имен типа «Нинка», «Нинель», «Нинок»; никаких гулянок и ресторанных потасовок, сопровождающихся разборками и выяснением отношений с приставучими ухажерами на манер: «Ты меня уважаешь? А я тебя – нет», и так далее в том же духе.

Но до сих пор мне самой еще не были до конца ясны некоторые нюансы поведения Нины. Следовательно, отсутствовала и цельность образа. Между тем время поджимало, если не сказать больше. Давно уже надо было сориентироваться по крайней мере в общем направлении, определить, какого стиля поведения придерживаться.

Непрофессионалы, как правило, прокалываются потому, что совершают грубые ошибки, слишком многого не учитывают, приступая к осуществлению какой-то операции. Этой судьбы избегают только везунчики и особо талантливые, которые и без опыта или специальной подготовки буквально чувствуют, где и как следует поступать.

Но особо талантливые тоже, бывает, попадают в переделки по собственной вине. Они, так же, как и большинство профессионалов, сыплются на мелочах. Если личность хорошо залегендирована, еще не значит, что все у тебя шито-крыто и никаких неприятных неожиданностей не будет. Залегендированной личности еще надо уметь полностью соответствовать. Особенно когда при инструктаже тебе ясно дают понять, что вполне возможны серьезные проверки. В таких случаях (а в идеале – во всех случаях) человек должен быть исключительно последователен и осторожен. Даже оставаясь наедине с собой, он должен вести себя в рамках легенды, исходя из предположения, что именно в этот момент его могут прослушивать, фотографировать, снимать скрытой камерой.

То, что сейчас я сидела здесь, в кафе, и пялилась на дом Горшенина, особого значения не имело. Но сегодня я собиралась вступить с Игорем Викторовичем в первый контакт. И про кафе я ему сама скажу, как только представится удобный случай. В кармане у меня лежал и ждал своего часа адрес «знакомых», которые жили в соседнем от горшенинского доме и которые, как назло, неделю назад уехали в длительную деловую поездку. О своем приезде я им, понятное дело, заранее не сообщала, не лично же к ним ехала. Следовательно, их отсутствие

явилось для меня полной неожиданностью. Потоптавшись около закрытой двери, я заглянула в первое попавшееся кафе позавтракать и прикинуть план дальнейших действий.

Что касается свидетелей, то имеется официантка. Остальных попробуй разыщи. Какой она запомнит меня? Все правильно: сердитой и, пардон, прожорливой. А быть сердитой в поворотный, даже в судьбоносный, можно сказать, момент – новую жизнь все-таки начинаю! – я имею полное моральное право. Ведь еще неизвестно, чего от новой жизни можно ожидать. Вдруг ничего хорошего не получится?

Возьмем, к примеру, средства к существованию. Прежняя Нинка решала денежные вопросы очень просто. В ресторане, к примеру, платить из собственного кармана совсем не обязательно. Особенно если в кармане все равно шаром покати. В таких случаях достаточно было присоединиться к какой-нибудь веселой мужской компании, позубоскалить, рассказать в перерывах между блюдами пару-тройку не очень приличных, а лучше очень неприличных анекдотов, после чего технично свалить. Если свалить не получалось – закатить скандал.

Можно было, конечно, заканчивать приятный вечер по другому, вполне приемлемому для Нинкиной натуры и репутации сценарию. Но как раз этот другой сценарий и был мне не по силам. Все-таки Нинкой я являлась только по легенде, к тому же не на отдыхе находилась, а на работе. Вот и приходилось изворачиваться.

Сейчас, изменив привычки и образ жизни, Нинка, став Ниной, и денежные проблемы должна решать по-другому. Нет, лично я в деньгах, разумеется, не нуждаюсь. Зато нуждается она, и с этим нельзя не считаться.

Хотя пока кое-что у нее имелось. Но сколько может быть денег на руках у такой особы, как Нина Тимофеева? Очень немного, а ведь неизвестно, сколько времени придется пробыть ей в этом городе. Заявить о полученном наследстве? Вряд ли кто поверит в байку о богатой тетушке, которая неожиданно и очень кстати скончалась. Значит, следовало устроиться на работу. При этом работа не должна мешать, желательно даже, чтобы, напротив, способствовала достижению цели, из-за которой я, собственно, и прибыла в Волгоград.

Заняться вплотную поисками подходящей работы я решила через денек-другой. Пока же прикинула, как в целом должна чувствовать себя молодая женщина, не имеющая за душой ничего, кроме некоторого количества вещей – еще одна моя сумка находилась в камере хранения на железнодорожном вокзале – и твердого намерения покончить с прежней веселой жизнью. А чувствовать себя она должна довольно хреново. В состоянии, близком к подобному, я сейчас и пребывала. Так что больше над этим вопросом нечего и голову ломать. Настроение, желательное по легенде, и настроение фактическое лично мое как нельзя кстати почти совпадали.

В этот момент в дверях подъезда появилась внушительных размеров мужская фигура. Не заболел, не проспал, разве что немного подзадержался господин Горшенин. Хорошо, а то я начала уж было беспокоиться.

На зрение я до сих пор не жаловалась и без труда разглядела в руках мужчины трость, которой он высоко взмахнул, кого-то приветствуя. Хромота бросалась в глаза не так сильно, как я ожидала.

Одним махом я проглотила остатки кофе, которых при необходимости мне хватило бы еще на добрых десять минут, поднялась со своего места, подхватила сумку и неспешно направилась к выходу. Веснушчатая официантка проводила меня разочарованным взглядом. Улыбнувшись ей на прощание, я вышла и, не оглядываясь на Горшенина, повернула направо. Чтобы что-то видеть, совсем не обязательно таращиться на объект в упор. При некоторой тренировке оказывается вполне достаточно бокового зрения.

А объект, как и ожидалось, направился к машине, припаркованной на пятачке у торца дома. Сейчас, по расписанию, господин Горшенин должен был отправиться в спорткомплекс. Официально рабочий день у его директора начинался в восемь часов утра, но раньше десяти он

на рабочем месте никогда не появлялся. В какой-то степени это радовало. Иначе трудно было бы объяснить мое появление в «Богатыре» в столь ранний час, не бессонница же меня мучает.

Я перешла дорогу, удалилась на несколько метров от перекрестка и взмахнула рукой. Юркий «жигуленок», почти уже поравнявшийся со мной, ловко вывернул из общего ряда, остановился у тротуара. Очевидно, профессиональный «извозчик», отметила я машинально, из тех, что постоянно выискивают клиента и готовы в любой момент адекватно отреагировать на знакомый взмах руки.

Открыв переднюю дверцу, но не спеша забираться внутрь, я наклонилась и назвала адрес. Водитель привычно окинул меня взглядом, на мгновение задержался на сумке, на потертых стареньких джинсах, осторожно сказал:

– Шестьдесят.

– Шеф, – возмутилась я, – побойся бога!

– Далеко, – коротко заметил он, с сомнением поглядывая на громоздкую сумку в моей руке.

– Полтинник.

Водитель секунду помедлил, но других предложений от меня не последовало.

– Ладно, садись.

Я захлопнула переднюю дверцу, открыла заднюю. Водитель, не говоря ни слова, наблюдал за мной в зеркало. Забравшись в машину, я поставила сумку рядом с собой на сиденье и тут же вынула полтинник.

Ехали мы молча. Только остановившись на одном из перекрестков, «извозчик» повернулся и кивнул на сумку:

– По магазинам, что ли?

– В спортзал, – хмыкнула я.

На лице водителя отразилось удивление от собственной ошибки – как это он местную за приезжую клушку принять ухитрился. Вот и пусть помучается, иногда это очень даже полезно...

В «Богатырь» я приехала за несколько минут до прибытия Горшенина. Когда он вошел в спорткомплекс, я стояла перед доской объявлений и изучала расписание тренировок. В комплексе было несколько спортивных залов, время в большинстве из них занято довольно плотно, направления предлагались самые разнообразные – от волейбола и шейпинга до многочисленных восточных единоборств.

Услышав звук открываемой двери, я оглянулась и посмотрела на Горшенина таким загруженным взглядом, что он просто не должен был остаться равнодушным. Путь его в директорский кабинет лежал мимо доски объявлений. Пока Горшенин, постукивая палочкой, преодолевал разделяющее нас расстояние, я рассеянно оглянулась еще раз, при этом хмурилась, морщилась и покусывала нижнюю губу. В общем, изображала напряженную работу мысли.

Приблизившись, Горшенин вежливо, как и подобает директору, поинтересовался:

– Позаниматься хотите?

Если бы он выразил намерение пройти мимо, я бы остановила его сама, благо народу в холле было немного, в основном дети. Охранник сидел за столом, отгороженный от остального мира стеклянными стенами, и желания общаться с кем бы то ни было не выказывал. Так что шансов избежать разговора со мной у Горшенина практически не было.

– Да, – отрывисто сказала я, – неплохо было бы. Только вот не знаю...

– Интересуетесь чем-то конкретным? – При этих словах Горшенин нетерпеливо шагнул по направлению к своему кабинету. Лицо его продолжало сохранять вежливо-равнодушное выражение, но, судя по всему, он уже был не рад, что вступил в беседу.

«Черта с два ты теперь от меня отделаешься», – подумала я злорадно, чувствуя усиливающийся спортивный азарт. Рыбка клюнула, первый шаг сделан. Теперь неплохо разжечь уже не формальный, а искренний интерес к своей персоне.

– Здесь есть шейпинг, – взмахнув тростью, Горшенин указал на расписание, – группа по аэробике.

Он ободряюще улыбнулся и сделал движение, чтобы удалиться.

– Шейпинг? – Я оскорбленно повела плечами, смерила Горшенина снизу доверху сдержанно-презрительным взглядом. А в следующий момент выражение моего лица резко изменилось – теперь я смотрела на директора комплекса как на близкого родственника, с которым не виделась последние лет десять.

Поймав мой взгляд, он остановился, удивленно вскинул брови.

– Военный? – ткнула я в него пальцем. – В армии служили?

– Что, так заметно? – Горшенин польщенно улыбнулся.

Заметно было не так чтобы очень, военное прошлое Горшенина в глаза не бросалось, но в данном случае это не имело абсолютно никакого значения.

– Что-то есть, – кивнула я. – Не могу сказать, что именно. Но я, знаете, сама несколько лет форму носила. В таких случаях своего сразу признаешь. Только вы, наверное, офицер?

– Капитан. – Директор отвесил легкий поклон. – Внутренние войска. Но это все в прошлом.

Я широко улыбнулась.

– Е-мое! А я прапорщик. Тоже в прошлом. Извините, товарищ капитан, что я так это к вам, по-свойски, – сказала я, но вины в моем голосе не чувствовалось.

Горшенин засмеялся.

– Зачем же так официально? – Он протянул руку. – Игорь Викторович. Недавно уволились?

Я тоже засмеялась, крепко пожала руку, коротко представилась:

– Нина. Уволилась полгода назад. А что, так заметно?

– Чувствуется. Так, значит, шейпинг вас не интересует?

– Не-а, – качнула я головой, пренебрежительно скривив губы. – Мне бы что-нибудь посерьезнее. Размяться там, бросочки, с грушей поработать.

– О! – уважительно воскликнул Горшенин. – Тогда, конечно. Что ж, удачи вам.

– Спасибо, – буркнула я, отворачиваясь. – Я-то думала, дельное что-нибудь присоветуете.

Горшенин натянуто рассмеялся, переступил с ноги на ногу. Уходить вот так сразу теперь ему было неловко. Не обращая на него внимания, я вынула блокнот, порылась в карманах. Не найдя ручки – естественно, как же я могла ее найти, если лежала она в сумке, – я сдержанно выругалась и, шевеля губами, принялась повторять расписание занятий сразу нескольких групп. При этом то и дело путала время и номера спортзалов, из-за чего жутко злилась.

Расписание я, конечно, уже давно запомнила – что там особенно запоминать, но продолжала делать вид, что числа по какой-то причине не хотят укладываться в голове. Ручка была последним поводом задержать Горшенина еще ненадолго. Я уже начала сомневаться, что когда-нибудь он ее предложит.

– Ручку? – виновато все же предложил Горшенин.

– Спасибо, – сказала я с облегчением, взяла ручку и, глянув на нее, сказала: – Красивая.

Ручка действительно была изящной, необычной и по виду дорогой.

– Сослуживцы подарили, – пояснил Горшенин, – когда увольнялся.

– Любили, значит, – пробормотала я, аккуратно и неторопливо переписывая в блокнот расписание. – Меня тоже любили. Особенно когда случалось что-нибудь или со службы слить надо было.

– В каком смысле? – Горшенин снова рассмеялся. Похоже, мои солдафонские манеры и грубоватость его забавляли.

Теперь, когда у меня находилась во временном пользовании его любимая ручка, ему волей-неволей приходилось стоять рядом. Зато неловкости он больше не испытывал.

– А я в медсанчасти работала. – Я мельком глянула на Горшенина и снова уткнулась в блокнот, но прежде заметила, что в лице директора что-то неуловимо изменилось. – Я медсестра.

– О! – только и сказал он.

«О!», черт возьми! Не может более ясно свои мысли выражать. Ломай теперь голову, что это его «О!» означало.

– А почему вы уволились? – неожиданно проявил интерес к моей биографии Горшенин.

Не похоже было, что он задал вопрос только для того, чтобы поддержать беседу. Голос его звучал вежливо и спокойно, я бы даже сказала, слишком спокойно, но глаза разглядывали меня с жадным вниманием. Кажется, он наконец-то заинтересовался моей персоной.

– В двух словах и не скажешь. Если коротко, то сама из армии я не уходила. Меня, скажем так, «ушли». Ну вы знаете, как это бывает.

– Бывает по-разному, – уклончиво произнес Горшенин. – А как вы вообще в армию попали?

– Отчим пристроил, сразу после училища. Чтобы под ногами не путалась. Большое спасибо. – Я вернула ручку, спрятала блокнот и закинула сумку на плечо. – Пойду пока по городу пройду и осмотрюсь. Может, чего насчет работы разузнаю... Жаль, что сейчас позаниматься не получилось...

– Погодите-ка, – прервал мой словесный понос Горшенин. – Так вы что же, без работы сейчас?

– Да я только вчера приехала, – невесело улыбнулась я.

– О! – воскликнул снова Горшенин. – И сразу в спортзал!

– А чего без дела болтаться?

Кажется, чем-то я его задела. Похоже, Горшенина заинтересовала именно моя специальность.

– Идемте. – Горшенин решительно повернулся и захромал по коридору. – Если хотите позаниматься именно сейчас, то попробуем это устроить.

– А нас пустят? – засомневалась я.

Горшенин усмехнулся:

– Пустят. У меня тут знакомый сейчас тренировку ведет.

Мы прошли через пустую раздевалку и оказались у входа в спортивный зал. Мальчишки и девчонки восьми-одиннадцати лет старательно выполняли каратешные ката. Слышалось сопение, шлепки трех десятков босых ног по татами и зычный голос тренера:

– Ичи! Ни! Корольков! Какая стойка? Са-а-ан! Медленно здесь, медленно! Корольков, повнимательнее, счет слушай! Аня, жестче! Что это за руки? Разве это руки? Еще раз с самого начала! Ичи!

Самого тренера из глубины раздевалки видно не было.

– Стро-огий, – многозначительно тряхнул тростью Горшенин, заметив, что я с любопытством прислушиваюсь к происходящему в зале. – Посидите минутку, я сейчас. А вы, кстати, где службу проходили?

– Последние полтора года под Читой, – заученно пробормотала я.

– О! – произнес сакраментальное восклицание Горшенин и прошел в зал.

Я бросила сумку на деревянную, покрытую темным лаком скамью, а сама принялась прохаживаться взад и вперед, неожиданно ощутив острое желание присоединиться к этим девчонкам и мальчишкам на татами.

Счет между тем прекратился.

– Перерыв! – объявил тренер. – Всем – физо. Коля, командуй.

– Упор лежа! Встали на кулаки! – Тонкий мальчишеский голос умело имитировал интонации тренера. – Тридцать отжиманий: десять на кулаках, десять на пальцах, десять... так.

– Так – это как? – насмешливо поинтересовался кто-то из ребят.

– Корольков! Все, между прочим, стоят в упоре! Минуту стоим на кулаках, затем отжимаемся! – По залу пронесся ропот. – Королькова благодарите. Время пошло!

В раздевалку вошел Горшенин и радостно сказал:

– Ну вот, все в порядке. Тренировка закончится минут через пять, после этого зал будет свободен целый час. Можете позаниматься. Сенсей зовут Андреем.

«Зачем мне тренер?» – хотела было поинтересоваться я, но вовремя сдержалась. Если Горшенину интересно, чтобы я поработала с сенсеем, значит, я с ним поработаю, какие проблемы.

– Спасибо, Игорь Викторович! – поблагодарила я с чувством.

– Не стоит благодарности, – отмахнулся Горшенин. – Занимайтесь на здоровье. Я... не прощаюсь.

Он направился было к выходу, но снова обернулся:

– Кстати, где вы остановились?

Я с трудом припомнила название гостиницы. Горшенин pokrивил губы.

– Вот именно, – кивнула я. – Между нами, девочками, говоря, совершенный клоповник. Не думаю, что захочу там еще на одну ночь оставаться. Попробую сегодня подыскать что-нибудь тоже недорогое, но почище и поудобнее.

Горшенин кивнул, приветственно взмахнул тростью и удалился. Я принялась переодеваться, прикидывая между делом, с какой стороны лучше показать себя на татами. Почему-то я не сомневалась, что Горшенина обязательно заинтересует, на что способна его новая знакомая.

Переоблачившись в спортивные штаны и футболку, я собрала вещи в охапку, заглянула в зал. Тренировка только что закончилась, юные каратеки с визгом и хохотом помчались переодеваться в смежную с моей раздевалку. Оттуда немедленно послышался грохот и чей-то возмущенный вопль.

– А ну, тихо там! – прикрикнул тренер.

Тут же восстановилась относительная тишина. Мгновение сенсей прислушивался, затем повернул голову в мою сторону.

Некоторое время мы с настороженным любопытством разглядывали друг друга. Сенсей был крепким жилистым мужчиной лет сорока, примерно одного со мной роста. Мне понравилось, что на лице его не было выражения собственного превосходства или чрезмерной самоуверенности.

– Разрешите?

Сенсей, чуть улыбнувшись, кивнул, знаком указал на скамью, стоящую вдоль стены.

– Вещи можете положить там.

Я переступила порог зала, сделала ритуальный поклон, надеясь, что при выполнении ритуала с охапкой одежды в руках и сумкой, сползающей с плеча, не выгляжу нелепо. Андрей одобрительно кивнул и повторил приглашающий жест.

Положив одежду, я повернулась, ожидая дальнейших указаний. Тренер сидел на шпагате. Не для того, чтобы произвести впечатление, думаю, ему ничего подобного и в голову не пришло, а просто чтобы не тратить время впустую.

– Занималась чем-нибудь?

– Так, – пожала я плечами. – Ничего конкретного. ОФП.

– Что? – не понял Андрей.

– ОФП – общая физическая подготовка.

Тренер хмыкнул, одним движением поднялся на ноги.

– Вот как? Ладно, разминайся, там посмотрим.

Несколько минут мы молча занимались каждый своим делом. Я разминалась, с наслаждением ощущая, как мышцы наливаются энергией. Андрей, то убыстряя, то замедляя темп, раз за разом воспроизводил один и тот же прием, к карате, как мне показалось, не имеющий никакого отношения.

– Размялась?

Я кивнула. Андрей взял со скамьи накладки – специальные легкие перчатки, использующиеся при отработке ударно-бросковых техник. Пальцы в таких перчатках остаются свободными, и наряду с ударами и блоками можно выполнять захваты. Одну пару накладок Андрей бросил мне, другую надел сам.

– Надевай. Посмотрим, что умеешь да на что способна.

Я приладила накладки, проверила, не сковывают ли они движение кистей и пальцев, пожаловалась:

– Чуть маловаты.

– Детские, – пояснил Андрей. – Ничего, для первого раза вполне сойдут. Или совсем малы?

– Сойдут.

– Вот и ладно. Начнем со стоек и перемещений. – Андрей встал напротив меня, принял одну из стандартных каратешных стоек.

Я тоже встала в стойку, только в свою.

Андрей качнул головой.

– Нет, не так. Ноги чуть пошире. Еще шире, правую ступню поверни. Да не туда, в другую сторону. Центр тяжести опусти. Вот это другое дело.

– Но мне так неудобно, – возразила я.

– Ничего, на первых порах, конечно, неудобно. Но быстро привыкнешь и оценишь.

С тренером не спорят – первая спортивная заповедь. Практические навыки, которые годами отработывала я, к спорту имели отношение постольку-поскольку. Но сейчас я стояла на татами перед человеком, который на какое-то время по взаимному, хотя и не обговоренному специально соглашению заинтересованных сторон стал моим тренером. Поэтому я добросовестно принялась следовать его инструкциям. Получалось у меня, надо сказать, через раз.

Уже через несколько минут я совершенно ошалела от постоянных замечаний и собственной неловкости, вызванной непривычной скованностью суставов и совершенно ненужным напряжением в мышцах.

– Устала? – сочувственно поинтересовался Андрей, когда замечания значительно участились.

– Есть немного.

Хотелось бы знать, для чего я все это делаю? Надеюсь, не только для того, чтобы поближе познакомиться с классическим годзю-рю. Насколько я поняла, из всех направлений карате Андрей предпочитал именно это.

– Хорошо, давай немного поспаррингуем. Посмотрим, как у тебя дела с ударами и блоками обстоят. Неполный контакт.

Я тут же приняла привычную стойку боевой готовности.

– Что за стойка? – недовольно сказал Андрей. – Мы же только что отработывали. Ну как ты стоишь?

– Стою так, как удобно, – отрезала я. Игра в начинающего каратэку меня уже несколько утомила.

Андрей вздохнул:

– Ладно. Сейчас ты на практике убедишься, что удобно не всегда означает рационально. Вот смотри: я нарушил дистанцию, для тебя возникла реальная угроза атаки. Скажу даже заранее, что атаковать для начала буду ногой. Из такой стойки выполнить нормальный блок ты не сможешь – лишние движения делать придется и равновесие сразу же потеряешь. Или наклонись и подставись.

Я изобразила полное непонимание. Андрей провел атаку, намереваясь слегка проучить строптивую и туповатую ученицу.

Блок я выполнять не стала, а лишь слегка отвела атакующую ногу в сторону, скользнула вперед и деликатно бросила противника на татами. Прием нехитрый, Андрей его наверняка знал, но в моем исполнении он явился для сенсея полной неожиданностью.

На мгновение Андрей замешкался, прикидывая, то ли произошедшее было случайностью, то ли он сам забыл правило номер два, гласящее, что противника никогда не стоит недооценивать. Я попрыгала, ожидая, пока он сообразит подняться.

Андрей пружинисто вскочил, буркнул:

– Хорошо. Трехминутный спарринг. Забудь все, что я тебе говорил. Любая стойка, приемы. В голову, пах – не бить. Готова?

Я пожала плечами:

– Вполне.

Правильнее было бы сказать не «вполне», а «в основном». К длительным спаррингам с условием неполного контакта, да еще и с ограничениями в ударах, я не была приучена. Реальные «спарринги» – ситуации, когда биться приходится рукопашную, не имея под рукой огнестрельного, холодного или другого «убойного» оружия, длятся, как правило, от нескольких мгновений до нескольких секунд. Независимо от того, один у тебя противник или несколько.

Поначалу Андрей действовал осторожно, не будучи еще до конца уверенным в моих неожиданных способностях. Это дало мне некоторую фору, возможность приноровиться к ограничительным условиям тренировочного спарринга. Постепенно движения Андрея стали убыстряться, я тоже начала работать более активно.

Когда в зал зашел Горшенин, мы уже не молотили друг друга почем зря, набирая условные очки за достигшие цели удары и защитные комбинации, а кружили друг вокруг друга, выискивая слабые места противника и провоцируя ошибки, которыми можно было бы воспользоваться.

Все время, что продолжался спарринг, я старалась не только соблюдать установленные Андреем условия, но и не выходить за рамки обычного рукопашного боя. Иногда, правда, излишне увлеклась, тогда приходилось себя останавливать или перенаправлять начатое движение по другой траектории. Мне совсем не хотелось показывать, на что я действительно способна. За многими гениальными по своей простоте приемами нетрудно угадать специальную подготовку и знание некоторых видов смертельно опасных боевых искусств.

Заметив Горшенина, Андрей остановил спарринг, уважительно мне поклонился и подошел к директору.

Говорили они тихо, но не выходя из зала. Некоторые слова до меня все же долетали. «Не тот уровень... хорошая реакция... силовая...» – слышала я. Особенно настораживало упоминание «не того уровня». Вряд ли речь шла о более низком, чем у Андрея, уровне подготовки. Я от души надеялась, что не перестаралась.

Помахав мне рукой, Горшенин ушел.

– Интересовался, как твои успехи, – пояснил Андрей.

Я сосредоточенно делала пресс, поэтому ограничилась лишь кивком. Чуть погодя спросила:

– А он, собственно, кто?

– Игорь Викторович? – удивился Андрей. – Директор спорткомплекса. А я так понял, вы хорошо знакомы.

– Не с этой стороны, – пропыхла я между отжиманиями. – Ну и как мои успехи?

Андрей только усмехнулся. Я мысленно чертыхнулась.

– Сейчас здесь у борцов тренировка начнется. Так что на сегодня все. Приходи завтра, в это же время. Если желание будет, конечно.

– Будет, – заверила я.

– Можно бы еще и вечером позаниматься, но, думаю, работать с группой тебе нет смысла.

Услышав такие слова, я совсем огорчилась. Как пить дать – перестаралась.

Глава 3

В фойе меня поджидал Горшенин.

– Я на машине, – сообщил он. – Сейчас собираюсь по делам, решил заодно поспособствовать вам в переезде в новую гостиницу.

Ломаться я, понятное дело, не стала. Дают – бери. Только поинтересовалась:

– Что за гостиница?

– Вам понравится, – заверил Горшенин, придерживая дверь. – Симпатичная и недорогая. Не самый центр, конечно, но оттуда в любом направлении удобно добираться. А вот и мое средство передвижения.

Привычно используя трость в качестве указки, Горшенин ткнул ею в направлении двух машин, стоящих чуть в стороне от остального транспорта.

Черный «БМВ» ожидал хозяина в нескольких метрах от ступеней крыльца. Рядом с ним пристроился ядовито-желтый «Запорожец».

– Е-мое! – по привычке сказала я. – И которая же из них ваша?

– Та, что менее яркая. – Горшенин рассмеялся. – Не люблю ярких цветов. Прошу вас.

Я села в машину, прикидывая, как в такой ситуации должна вести себя Нинка. Вернее, теперь — Нина. Если сделать вид, что никогда не ездила в «БМВ», это будет, пожалуй, перебор, тем более что машина была далеко не последней модели. Но внезапного внимания со стороны Горшенина не заметить было просто невозможно. До сих пор я выглядела несколько мрачноватой, охотно, хотя и лаконично отвечала на вопросы, но не лезла с расспросами сама. Пожалуй, лучше вести себя так же и впредь. Буду делать вид, что если я что-то и замечаю, то мне все это абсолютно до лампочки.

Горшенин завел двигатель.

– Не холодно? Сейчас мотор прогреется, печку включим.

– Нормально.

Разговор пока не клеился. Два часа назад, когда мы стояли около доски объявлений, Горшенин не был так озабочен моей персоной, поэтому болтал непринужденно, безо всякой задней мысли. Сейчас ему явно хотелось и разузнать обо мне побольше, и одновременно не показаться назойливым в своем любопытстве.

– Вам, наверное, надо забрать вещи?

– Какие вещи? – удивилась я. – А-а, из этого клоповника. Нет, не надо, у меня все с собой.

На этот раз пришла очередь удивиться Горшенину:

– В этой сумке? Все?

– Мы же люди военные, – ухмыльнулась я. – А вообще-то у меня еще одна сумка есть, в камере хранения на вокзале.

– О!

Я с раздражением подумала, что если он будет слишком часто повторять свое «О!», то я его точно придушу. И расследовать дальше ничего не надо будет. Доложу Грому, что причина всякого рода нестабильности в городе Волгограде выявлена и успешно устранена, и дело с концом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.